

*Тем, чья любовь так неистова,
что способна возвращать веру
и прожигать грехи насквозь.*

1

Я была уже на пороге родительской комнаты — хотела пожелать им спокойной ночи, — но ладонь сама соскользнула с ручки двери, когда я услышала голоса.

— Человечий принц? — воскликнула мать. — Отдать нашу дочь ему — *им!* — это не только предательство по отношению к ней самой, но и надругательство над всем, чего мы добились, покуда терпели их присутствие в наших землях.

— Ты думаешь, я сам этого не понимаю? — загремел отец. Я замерла в ожидании и, услышав следующие его слова, поникла: — У нас нет выбора, Никайя, — отец заговорил тише. — Либо так, либо ждать, пока случится то, что предрекли звезды, и мы оба знаем, что *он* сделает с ней, со всеми нами, представься ему такая возможность.

Мать ничего на это не ответила, и я представила, как тревога омрачает ее безмятежный лик, как беспокойные мысли стирают румянец с ее щек.

— Я лишь знаю, что там ее примут, и, даже если принц не приглянется ей или она — ему, наша дочь будет в безопасности.

— В безопасности? — Мать невесело усмехнулась и процедила непривычно ледяным голосом: — Возможно, они боятся нас и готовы нам подыграть, но не заблуждайся, Алтон, они относятся к нам все с тем же презрением. Любезничать с ней не станут.

К глазам подступили слезы, дрожащей рукой я снова потянулась к двери. Но тут отец сказал такое, что я оцепенела:

— Пускай лучше терпит неудобства, чем пытки. Или вообще умрет, как Джоун, не успев произвести наследника. Там Опал будет под защитой, и ей хватит времени успеть продолжить род Грейсвудов.

Услышав это, я развернулась и бросилась вниз по лестнице, пробежала сквозь пустую кухню, распахнула дверь, выскочила наружу и помчалась прочь по садам с тыльной стороны замка. Подол ночной сорочки развевался на усилившемся ветру, под ногами чавкали опавшие плоды, хрустели листья, но я не останавливалась.

Небо темнело, а ноги все несли меня вперед по густой высокой траве. Я словно бежала наперегонки с собственным отчаянно колотившимся сердцем.

Шуршащие травинки, лавандовые поля, звезды над головой, брызги грязи из-под босых ног — лишь они и были свидетелями моего побега.

Я мчалась к укрытию, которое даровала лесная чаща, к рассекавшей ее тропинке, знакомой мне с детства — с тех времен, когда до нападений и кровопролития было еще далеко. Я остановилась, лишь когда достигла низкого устья пещеры.

Я проползла внутрь, а когда туннель расширился и плавно свернул вниз, к обрыву над ущельем, выпрями-

лась в полный рост. Путь к утесам преграждало мертвое дерево — полое, шириной почти с замковую башню. Я зашагала сквозь пустой ствол вперед — мне не терпелось сойти с сырой земли и вновь ощутить свежий бриз на заплаканном лице, сияние звезд на мокрых щеках.

Поперек нутра дерева была воткнута кряжистая, покрытая мхом ветка. Забравшись на нее грязными ногами, я полезла вверх — к дуплу, что смотрело в небо. Ухватившись за его узловатые края, я подтянулась и села.

Несколько бесценных мгновений я просто вдыхала ночной воздух, ощущая под собой теплую шершавую кору. Ноги свисали над водами, что текли по ущелью. Извилистая река отделяла одну страну от другой, совершая бесчисленное количество поворотов на своем пути к морю.

Отражение луны морщилось и кривилось, звезды подмигивали в ряби кипучего течения. Дерево лежало здесь далеко не всегда, хотя лет ему было гораздо больше, чем мне. Давным-давно земли Нодойи — двух волшебных королевств, Синшелл и Вордана, — соединяли два гигантских моста. Были едины и населявшие их народы.

Да, говорили, что некогда мы были одним народом. Впрочем, что-то подсказывало мне, что это не совсем так — иначе не случилось бы такого раздора. Маленькой трещины оказалось достаточно, чтобы разверзлась бездна. И с течением времени бездна эта только росла и становилась глубже.

Глядя на ущелье, которое ненависть и война сделали только шире, на гниющие обломки затопленных кораблей и древнего моста, я выругалась, утерла нос и велела слезам прекратиться. С юных лет я знала, что замуж меня выдадут против воли — и, вероятно,

куда раньше, чем я буду готова, — но не отваживалась представить, что произойдет это именно так.

Что большинство претендентов на мою руку будут мертвы — а единственным уцелевшим окажется человек.

Не то чтобы мне претила идея брачного союза с человеком. Скорее наоборот. Принц Брон был хорош собой. Он держался с беспечностью, сквозь которую проступал его надменный нрав. Был строен и высок, а в темно-каштановых волосах проглядывали золотистые пряди, выгоревшие на солнце за те долгие часы, что он проводил на охоте и за упражнениями с мечом на открытом воздухе. Я видела его всего пару раз, и в обоих случаях на его лице сияла улыбка, от которой замирало сердце.

Много часов я провела в попытках запечатлеть на пергаменте, как та улыбка затрагивает его темные глаза, но ни разу не осталась довольна результатом. Он вообще редко смотрел в мою сторону. А когда смотрел, улыбка его угасала, и взгляд становился оценивающим.

Для него я была всего лишь фейри — одним из живых существ, на которых нельзя охотиться.

Если верить истории, многие из нас совершали глупости от страха, поэтому я не позволяла себе тешиться самообманом. Верой в то, что он будет рад сочетаться со мной браком.

Да, я считала его привлекательным и харизматичным, но мать была права. В лучшем случае меня ждет нелюбезное обращение, в худшем — угроза жизни или увечья.

— А я-то думал, этот древесный труп только в моем распоряжении.

Я вздрогнула, поползла обратно по последнему соединявшему земли Нодойи переходу и, чуть не свалив-

шись в ущелье, вцепилась ногтями в кору. Никогда, ни разу прежде никто не являлся в мое заветное убежище.

Мужчина в капюшоне убрал меч в ножны за спиной и пугающе быстро приблизился к каменистому обрыву.

Надо было бежать. Надо было приказать, чтобы шел прочь — туда, откуда явился. Хотя внутренний голос подсказывал мне, что ни то, ни другое не увенчалось бы успехом.

Он был не золотой крови и не человек. Его запах — смесь аромата кедрового дерева и дыма — окатил меня с головой, проник в поры, отчего дыбом встал каждый волосок.

— Тебе сюда нельзя.

— Кто это сказал? — спросил он, склонив голову вбок, отчего из-под капюшона выпала пара светлых прядей. Тембр у него был словно лимон и шоколад — насыщенный, с хрипотцой, роскошный и низкий.

— Я сказала, — заявила я — голос, к счастью, не дрогнул.

— А-а... — И тут он с ошеломляющей прытью перескочил на упавшее дерево. Дупло в стволе — мой единственный выход отсюда — оказалось между нами. — И кто же ты такая?

Я была слишком ошарашена, чтобы оскорбиться, — каждая частица меня напряженно ждала момента, когда придется дать деру.

— Ты прекрасно знаешь, кто я такая.

Сбросив капюшон, он медленно поднял на меня взгляд.

— Наш мир разделен пополам, принцесса, поэтому ошибочно считать, что каждый знает, кто ты. — Сердце заколотилось, я принялась лихорадочно перебирать в уме возможные пути отхода. Все это время незнако-

мец не сводил синих глаз с моего лица. — Я не собираюсь причинять тебе зла.

Я заморгала.

— Ты ведь из багровых. Я это чую... — Мой взгляд соскользнул на его тунику и плащ — черные, как полочное небо, с красным подбоем. — Равно как и вижу, так что, если ты не против...

— Отчего у тебя глаза на мокром месте? — вкрадчиво произнес чужак, разглядывая мои щеки. — О, солнышко, ты плакала. — Я подалась вперед, намереваясь проскочить в дуло, но его слова меня остановили: — На твоём месте я бы так не торопился.

Едва он произнес это, как ветер донес с реки под нами звук шагов, вой псов и ворчание перевертышей.

— Так ты из дозорных.

— Скоро они уйдут.

Недоумение исказило мои черты. Незнакомец наблюдал за мной — в его глазах поблескивал задор.

— Ты дозорный, — повторила я, глядя на рукоятки двух клинков, что висели у него за спиной. — Воин. Почему ты не сообщил им, что я здесь? — Глупо такое говорить, но если бы он собирался выдать меня кровавому властителю, королю волков, то уже давно бы это сделал.

— Скажем так, я любопытен, — произнес дозорный скорее скучающим тоном, чем заинтересованным. — Давненько я не видывал золотого народца — да еще и дочь солнца, королевскую особу.

Грубые голоса, прерываемые смешками, звучали все ближе — его лютые приятели перекрикивались друг с другом.

Этот тип был не просто мужчиной. Он был из багровых — кровавых — фейри, что означало лишь одно: нельзя верить ни единому его слову. Это из-за них наши

народы жили в раздоре. Они были жестоки, кровожадны и бесчестны — тяга к насилию текла в их жилах, и именно поэтому два королевских рода Нодойи стали врагами задолго до моего появления на свет двадцать два года назад.

Одно королевство являло собой жизнь — созидание и мир. Другое — смерть, там процветали власть и разбой.

В последние годы мы, солнечные фейри, сражались с багровыми и проиграли множество битв их армиям, то и дело вторгавшимся в наши земли. Вот уже пару лун стояло некоторое затишье, но мне хватало здравого смысла, дабы не тешить себя надеждами, что они не нападут снова.

Никто толком не понимал, что движет багровыми фейри — кроме желания сеять смерть и разрушения и жажды мести за гибель их прежних правителей. Кровавые хотели истребить вестников света — мою семью и мой народ.

Ущелье не позволяло им застать нас врасплох, но серьезным препятствием для них не являлось. Наши ряды редели, и враги знали, что нам не по силам нести дозор и защищать свои земли так, как раньше.

Именно они когда-то уничтожили и Первый, и Старый мосты, и сами же продолжали подвозить к ущелью приспособления для тех, кто не мог через него перепрыгнуть или перелететь.

Миновала напряженная минута — дыхание мое участилось. Затем еще одна. Дозорные прошли мимо.

— Ты разве не с ними?

Незнакомец пожал плечами:

— Меня искать не будут, если тебя это волнует.

Меня много что волновало — в первую очередь само его присутствие, осязаемое до такой степени, что воздух будто маслом растекался по моей покрывшейся мурашками коже.

Его пухлые губы изогнулись в полуулыбке, словно он слышал мои мысли.

— Ты не ответила на мой вопрос. — Заметив, что я нахмурилась, чужак пояснил: — Ты плакала. Почему?

Вопрос прозвучал резко, скорее как приказ, и эта дерзость возмутила бы меня, будь ситуация иной. Мы остались наедине, и я, разумеется, умела постоять за себя, однако он — вооруженный опытный убийца.

Моим же единственным оружием были мои способности. Как и многие другие таланты несущих свет — довольно бесполезные. Мы умели исцелять, чинить, выращивать, созидать — слабаки в сравнении с потомками тьмы. Им было подвластно многое, и я ведала лишь о малой части их умений. Об их могуществе слагали легенды.

Легенды эти вызывали у меня вопросы — почему нас до сих пор не истребили и что за умопомешательство случилось с моим дедом, когда тот решил восстать против покойных властителей багрового королевства и пойти войной на Ворман?

Дозорный смотрел на воду и не шевелился. Не знаю, зачем я ему ответила, но слова вылетели из моих уст, прежде чем я успела одуматься:

— Я узнала, что меня собираются выдать замуж.

Чужак, казалось, совсем оцепенел — если такое вообще было возможно: застыла вся его грозная массивная фигура, отталкивая от себя даже звездный свет, который так старался дотянуться до его золотистой шевелюры. Он кашлянул, не сводя глаз с течения реки внизу.

— Но ведь это участь принцесс, разве нет? — Тон его похолодел — стал ледяным. — Так что ныть из-за этого нет смысла.

Вот теперь я по-настоящему оскорбилась.

Грубо усмехнувшись, я подтянула ноги и собралась на выход. Ступни уже нырнули было в дупло, но тут багровый тип сказал:

— Подожди.

Ждать я не стала. Я и так сглупила, задержавшись в его компании. Дозорный, пехотинец, боевая зверюга — кем бы он ни был, он — мой враг, и мне стоило бы радоваться, что я все еще дышу.

Чужак вдруг возник рядом со мной, и у меня вырвался вскрик. Я сделала шаг назад, сердце мое пустилось вскачь.

— Что?..

— Здесь есть еще один выход, — пояснил он. Не успела я оглядеться, как он схватил меня за руку своей мозолистой ладонью и повел сквозь полое дерево обратно в пещеру.

— Отпусти, — огрызнулась я, пытаясь высвободиться.

Дозорный даже не извинился за свои дурные манеры. Только ухмыльнулся и, полускрытый во тьме, развернулся и зашагал задом наперед.

— Полагаю, это человеческий принц?

Я не сразу поняла, о чем идет речь, но, когда до меня дошло, похолодела.

— Это тебя никак не касает...

— Логично, — пробормотал чужак. — Ваша братия уже на грани отчаяния. — Он вдруг остановился, и я чуть не врезалась в него. — Скажи-ка, солнышко, а ты умеешь драться?

Я просто дар речи потеряла от самоуверенности этого типа.

— «Солнышко»?

Один из уголков его губ пополз вверх, отчего на щеке появилась ямочка, а требовательный взгляд потемнел.

— Ответь на вопрос.